

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

ОЛЬГА ВОЛОДАРСКАЯ

ПРИЗРАК БОЛЬШОГО ГОРОДА

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован городской пейзаж «Пройти дворами» (2013 г.) художника *Олега Ильдюкова*

Володарская, Ольга Геннадьевна.

В68 Призрак большого города / Ольга Володарская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-699-90385-6

Мама Герды верила в магию имен, поэтому и назвала дочь столь необычно. Жизнь Герды и правда оказалась похожа на сказку: ее любимого мужа Костю увезла Снежная Королева — богатая и властная бизнес-леди из Петербурга Снежанна Мороз. Герда отправилась в путь, чтобы вернуть своего Кая, но ей не удалось растопить слезами его сердце — он остался со Снежанной. И был рядом, пока не умер...

Костя погиб в ледяном замке его королевы. Тело обнаружила Герда, после долгих лет разлуки все же решившая вырвать мужа из плена. Но кто и почему убил ее Кая? Неужели из-за наследства, завещанного Косте смертельно больной Снежанной? Или любимый нажил врага, который пошел на все, чтобы отомстить? Герда еще не знала: тот, кто убил Костю, имеет на ее счет свои планы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володарская О., 2016
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2016
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90385-6

Пролог

Герда искала своего Кая...

Она блуждала по огромным залам дворца, где все было бело-серебристым и холодным, будто вырезанным из льда. Она заглядывала в темные, совершенно не отапливаемые комнаты, в которых громоздилась старая, покрытая то ли пылью, то ли инеем мебель. Она пересекала длинные, гулкие коридоры, где за ней носился ветер, а одинокие залетающие через плохо закрытые окна снежинки устраивали в ее честь ритуальные танцы...

Герде казалось, что она одна в этом огромном ледяном замке, но она точно знала: это обман. Кроме хозяйки, ее подданных, прислуги и гостей в нем еще находится Кай. Он где-то рядом, и она обязана его найти.

Ступив на узкую лестницу, ведущую в подвал, Герда поежилась. Она уже продрогла до костей, и лучше ей было вернуться туда, где тепло, но она не привыкла отступать. Ради Кая Герда преодолела тысячи километров, и теперь, когда их разделяли какие-то жалкие метры, разве могла она повернуть назад?

Глубже запахнув свою шубку, так кстати накинутую в последний момент на плечи, а озябшие пальцы утопив в пушистый мех воротника, Герда начала спуск. Ступени лестницы были гранитными, и каждый ее

шаг сопровождался гулким эхом. Если Кай в подвале, он обязательно услышит его и пойдет ей навстречу... По крайней мере, Герда очень на это надеялась!

Ступеньки кончились. Герда увидела перед собой приоткрытую дверь подвала. Толкнув ее, она переступила порог...

Помещение было освещено очень слабо. Герда увидела только низкий свод потолка, к которому и был прикреплен фонарь. Сняв его с крюка, она вытянула руку и посветила в пространство...

Кай оказался всего в трех метрах от Герды. Он сидел на полу, привалившись к стене, а его синие глаза были устремлены куда-то вверх. Как будто Кай хотел проникнуть взглядом через гранит, железобетон, камень, стекло и черепицу и увидеть небо... Небо, которое еще не так давно рассекали косяки улетающих на юг птиц. Кай сам был родом из теплых краев и наверняка мечтал попасть туда в ту секунду, когда возвел глаза к потолку, потому что в следующий миг он умер. Захолустный городок на юге России, тот самый, где он вырос и который покинул при первом удобном случае, был, бесспорно, лучше загробного царства...

Тем более Кай всегда в него, в царство это, верил и считал, что ад совсем не такой, каким его рисуют. Кипящая лава и раскаленные сковородки? Это он пережил бы если не легко, то довольно спокойно. Ад — это лед, холод, безликая белизна снежных покровов, пронизывающие ветры, бесконечное одиночество...

Ад — это вымерзшая планета! И Кай, похоже, угодил именно на нее!

Герда подошла к трупу того, кого так долго искала, а нашла только сейчас, когда уже ни поговорить, ни ощутить дыхания, ни помочь, ни простить. Подошла и коснулась застывшего лица. Оно оказалось ледя-

ным. Как ад из кошмаров Кая. А в его синих глазах застыла такая обреченность, что хоть плачь. И Герда заплакала. Горячие слезы покатались по ее лицу и стали капать на грудь Кая. Но они не смогли растопить лед его сердца. А все потому, что в нем находился не кусок волшебного зеркала, а пуля крупного калибра. Она образовала в грудной клетке Кая такое огромное отверстие, что вырвавшаяся из него кровь залила его белоснежную рубашку и даже брюки...

Герда переместила руку с фонарем левее, чтобы спрятать труп Кая в темноте. И тут желтый круг света попал на валяющееся на полу охотничье ружье. Это была двустволка с красивым резным прикладом. Герда подняла ее, понюхала дуло. Пахло порохом. Значит, Кая застрелили из этого ружья!

Еще один патрон...

Как будто специально для нее!

Герда сложила ружье. Медленно поднесла его к своей груди, положила указательный палец на курок и...

Часть I

Глава 1

Мама Герды, Анна, верила в магию имен. Поэтому, когда она узнала о своей беременности, первое, чем озаботилась, — это подбором имени для своего еще не рожденного чада. Аня не могла знать точно, какого пола будет ребенок, но процентов на восемьдесят была уверена, что женского, и больше рассматривала девчачьи варианты. Властелина. Серафима. Епифания. Ариадна. Стефания. Марианна. Земфира. Лейла. Анаис...

Ане было все равно, какого происхождения будет имя ее дочки. Славянское, греческое, арабское, не важно, главное, чтобы звучало красиво и имело емкое значение. Долгое время она отдавала предпочтение имени Виктория. Но когда оказалось, что в их доме уже проживают две Вики, одна — еще совсем кроха, но уже хворающая, а второй пошел пятый десяток, и она до сих пор не замужем, Настя решила поискать другие варианты.

Жила будущая мать одна. Тот, от кого она забеременела, не был ее мужем. Всего лишь любовником, с которым Аня встречалась четыре раза в год. Звали его Виктором. Он жил в столице, был женат, имел сыновей-погодков, занимал крупную должность на каком-то заводе и часто ездил в командировки. В их городке он бывал раз в квартал. Селился в един-

ственной гостинице, администратором которой Аня работала. Там они и познакомились. Там и встречались. Там и зачали по прошествии двух лет ребеночка. О своей беременности Аня узнала, когда любовник уже отбыл домой. Телефона его она не имела, поэтому поделиться радостной новостью с Виктором не могла. Но Аня не сомневалась, что он будет рад и не оставит ее. Жениться, понятное дело, не захочет, но ребенка поднимать поможет. Особенно если девочка родится. Виктор много раз говорил ей, что мечтает о дочке, но у него два сына и в придачу три племянника. В Анином же роду женщины рожали исключительно себе подобных. У самой Анны была еще сестра. У их покойной матери тоже. А у бабки аж пятеро. Ее мать, считай, Анину прабабку, муж из-за этого бросил. Сказал, мечтаю о сыне, а ты только и способна, что баб мне рожать. И ушел к другой, молодой вдовице, у которой уже был мальчишка. Она ему быстро подарила наследника.

В общем, род Ани пошел из какого-то загадочного женского царства, и она не сомневалась, что тоже родит девочку. Это радовало! Как с пацанами обращаться, она представления не имела. А вот с девочками — очень хорошо ладила. И родную сестру свою нянчила, и двоюродную. У первой, кстати, тоже родилась дочка. А вот двоюродная, Вера, удивила. За три месяца до того, как Аня узнала о своей беременности, та произвела на свет мальчишка. Назвала Костей. В честь деда. А отчество дала отцовское — муж Веры ушел от нее, когда она была на третьем месяце. И это ее не удивило. Ибо женщинам их рода катастрофически не везло в личной жизни. Их либо бросали, либо просто не находили, и барышни оставались старыми девами, поскольку отличались крайней порядочно-

стью и заводить внебрачные отношения считали делом аморальным.

Аня была первой в роду, кто наплевал на семейные традиции и потерял невинность, не вступив при этом в брак. Хорошо хоть осуждать ее за это было некому: старые девы к тому времени все поумирали, а сестры, родная и двоюродная, жили в других городах.

О своей беременности Анна им до поры не сообщала. Боялась, что осудят. Да и теплилась в ней слабенькая надежда на то, что любимый, узнав о ее интересном положении, пересмотрит свое к ней отношение, и если руку и сердце не предложит, то хотя бы станет чаще приезжать, и тогда перед сестрами можно будет сделать вид, что они женаты.

Но ее скромным мечтам не суждено было сбыться. Когда пришел черед любовнику явиться в их городок, вместо него туда приехал совершенно другой человек. Молодой и какой-то несолидный. Он представился Петром Ивановичем, тогда как тянул только на Петьку, и сообщил, что теперь он занимает пост Виктора Анатольевича. Аня, узнав об этом, перепугалась. Решила, что с Витюшей (так она его называла) случилось что-то нехорошее. Заболел, к примеру, или того хуже — умер. Ведь не мальчик уже, сорок пять лет, а работа нервная. Но оказалось, все не так страшно. Виктора Анатольевича повысили до директора завода, и теперь ему по штату не положено таскаться по командировкам.

Аня за любовника порадовалась, но через какое-то время ее стало одолевать чувство обиды. Что ж он ей-то не сообщил? Мог бы позвонить в гостиницу, номер у него есть, и донести до ее сведения, что вместо него приедет другой. Ведь она ждала его. А он говорил, что

Аня для него не просто удобная во всех отношениях любовница командировочного периода, а женщина, к которой он прикипел душой. В общем, решила она сама с ним связаться. Номер телефона секретариата завода она узнала легко и, набрав его, попросила соединить ее с директором. Барышня, сидящая на телефоне, сообщила, что Виктор Анатольевич на совещании. Настя просила передать Виктору Анатольевичу, что с ним желает поговорить Андреева, секретарша обещала это сделать, но прошла неделя, а от любовника вестей так и не поступило.

Пришлось попытку повторить. А затем еще раз. Но результат был тот же: Виктор Анатольевич был либо на совещании, либо в министерстве, либо на производстве. Аня оставляла для него сообщения, и их якобы передавали, но отец росшего в ее утробе дитятки так ни разу ей и не позвонил.

Анна сделала вывод, что в новой жизни Витюши ей больше нет места (а коль так, то и ее ребенку), и запретила себе о нем вспоминать. А то от всей этой невротичности чадо может нервным родиться!

Срок подходил к концу, а имени для дочки Аня так и не выбрала. Зато она много гуляла, хорошо питалась, принимала витамины. А еще слушала классическую музыку, смотрела только хорошие фильмы и читала вслух детские книжки. По ее мнению, все в комплексе должно было благотворно сказаться на ребенке.

Однажды, когда Аня читала сказку Андерсена «Снежная королева», она решила назвать свою дочку Гердой. Чтоб девочка выросла такой же смелой, самоотверженной, доброй и счастливой. Имя это было скандинавское. Переводилось как Защитница. И зву-

чало красиво. Как само по себе, так и в сочетании с фамилией — Андреева.

Родилась Герда в положенный срок. Здоровенькая и симпатичная. У других мамочек детки родились нескладные: у кого голова баклажанчиком, у кого мордашка сморщенная, у кого ножки толстущие, а Анина девочка с первых дней была ладненькой, или, как выразилась бы мама-покойница, справной. И характер сразу проявила невздорный. По пустякам не капризничала, но и забыть о себе не давала.

Выписавшись из роддома, Аня вернулась в свою маленькую квартирку, доставшуюся ей от одной из старых дев, и стала поднимать на ноги Герду. О своем материнстве она сестрам до поры не рассказывала. Но когда пришло время девочку крестить, оказалось, что в крестные взять некого, и Аня решила рассекретиться. Лена, родная сестра, приехать не смогла, она на Камчатке жила. А вот двоюродная, Вера, явилась. С маленьким Костиком, которого не на кого было оставить. Она стала крестной Герды...

Крестной, а спустя шесть лет и приемной мамой.

Аня умерла в возрасте тридцати четырех лет от рака легких, хотя никогда не курила и на вредных производствах не работала. Сгорела за несколько месяцев. Все думала, что бронхит не долечила и не ходила к врачам. Занималась самолечением: пила бромгексин, ставила на грудь горчичники, грелась над картошкой. Когда хворь не прошла, обратилась таки к специалистам. Диагноз ей поставили сразу. Рак. Сказали, жить осталось месяц. От силы — полтора. Но Аня продержалась три. А все потому, что не знала, на кого оставить ребенка. И вот когда стало ясно, что Вера возьмет Герду, Аня со спокойной душой умерла.

Глава 2

Маленькая Герда очень хорошо запомнила тот момент, когда оказалась в поселке, где ей предстояло жить. Наступил вечер. Было темно. Поезд, в котором она ехала с теткой, остановился на каком-то полустанке. Они вышли: тетя Вера энергично и немного суетливо, держа в каждой руке по чемодану и паре котомок, а Герда опасливо. Она за свою маленькую жизнь ни разу не ездила дальше районного центра, где имелся кукольный театр, а тут пришлось больше суток трястись в поезде, а теперь выходить из вагона, ставшего за тридцать пять часов почти родным, в новый, неизвестный мир. В нем было все непривычно. Особенно ароматы. Тот мир, который она покинула совсем недавно, был напоен совсем другими запахами. В нем пахло влажной землей и прошлогодней прелой травой. В нем только начинали бежать ручьи и проклевываться из-под льда асфальт. В нем деревья и кусты едва избавились от снежного налета и лишь готовились налиться живительным соком. В новом же мире не было ни снега, ни влажности, ни прохлады, ни томительного ожидания. Он уже давно пробудился от зимней спячки (если когда и погружался в нее), и воздух в нем оказался напоен такой ласковой теплотой, что Герда зажмурилась, вдохнув его.

— Детка, ты чего? — нервно спросила тетя Вера. — Укачало тебя, что ли? Голова кружится?

Герда помотала головой, которая на самом деле кружилась. Но не из-за того, что девочку в поезде укачало. Дело заключалось совсем в другом, более приятном ощущении. Герде было так сладко смаковать этот похожий на нежнейшее суфле воздух, так приятно вдыхать его и улавливать все оттенки цветочных

и древесных ароматов, так волнительно отмечать его непохожесть, новизну, напоенность какой-то невероятной жизненной силой, что она ощутила головокружение и легкую дрожь в конечностях. Точно так же Герда чувствовала себя, когда впервые попробовала шоколадное суфле, ставшее впоследствии ее излюбленным лакомством, и когда получила в подарок куклу Барби, несбыточную мечту всех девочек ее двора, и когда увидела Васю Славина, мальчика, которого она сразу посчитала самым замечательным на свете. Короче говоря, Герда в четвертый раз за свою жизнь влюбилась, и уже не в мороженое, куклу или мальчика, а в край, где оказалась.

Со станции они с теткой долго брели пешком до дома. Время было позднее, и автобусы уже не ходили. Вера передвигалась еле-еле, она так вымоталась за последние дни, что чуть не падала, а Герда чувствовала себя лучше. Да, она устала, но ей было очень интересно осматривать новый мир. В нем даже дома были другими. Город, где она выросла, считался промышленным, и в основном там стояли многоквартирные «коробки» в пять или девять этажей, дымили трубы заводов, и по дорогам сновали грузовики и легковушки. Тут же было все не так! Аккуратные домики с палисадниками, по заборам плетутся виноградные ветви, во дворах уютные навесы, диваны, мангалы. Пустынная асфальтовая дорога, вдоль которой растут не привычные тополя, а изящные кипарисы. Вдали вместо сумрачных заводских трафаретов — острокопечные горные пики. И тишина...

— Вот мы и пришли, — облегченно произнесла тетя Вера, останавливаясь возле железного забора, украшенного причудливыми вензелями. — В доме свет, значит, не спят...

Про кого она говорит, Герда не догадывалась. Она знала, что у тетки есть сын Костя, и скорее всего именно он был в доме, но с кем Вера его оставила, Герда не имела понятия. Не одного же! К тому же тетка употребила глагол во множественном числе, так что...

— Приехали? — услышала девочка радостный возглас. — Ну, наконец-то!

— Сынок! — счастливо выдохнула тетка и, бросив котомки и чемоданы прямо на землю, кинулась во двор.

Герда посмотрела ей вслед и заметила, как от крыльца отделяется маленькая фигурка. К ней Вера и подлетела. Схватив мальчика в охапку (Герда сразу поняла, что это мальчик, хотя было темно и она видела лишь силуэт), прижала к груди.

— Ма-ааам, — протестующе протянул тот. — Ну, я же просил... Без этих твоих телячьих нежностей... Не люблю я!

— Прости, сынок, — сконфузилась Вера. — Просто я соскучилась.

— Я тоже, — сообщил Костя. — Дик, кстати, тосковал! Смотри, как радуется!

К тетке тут же подскочил огромный лохматый пес и, резво прыгая, норовил лизнуть хозяйку в нос.

— Фу, мальчик, фу! — придержала его Вера. — Домой!

Пес, возбужденно погавкивая, взбежал на крыльцо и скрылся за дверью. На Герду он внимания не обратил. Подумаешь, явилась какая-то девочка! Опасности для хозяев не представляет, ничего вкусного не даст, так зачем на нее отвлекаться?

— Ты Герда? — спросил Костя, оставаясь возле крыльца.